

© 1997 г.

И. МАЙЕР

РУССКОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ XVII В.: ПРОБЛЕМА СВОЕГО И ЧУЖОГО (На материале "Вестей-Курантов")

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

XVII в. является важным периодом в развитии русского языка, когда происходили значительные изменения в языковой системе, особенно в области синтаксиса. Глагольное управление того времени характеризуется богатой вариативностью: с одной стороны, еще сохранялись исконные, унаследованные из древнерусского языка модели управления, а с другой стороны, в письменность проникали "новые" конструкции, вероятно, использовавшиеся в разговорной речи уже в более ранние периоды. В конце XVII–начале XVIII в. многие вариативные формы постепенно были вытеснены из языковой системы (см. [Крысько 1997, *passim*]).

В XVII в. появились новые письменные источники, включая первые русские рукописные газеты, так называемые "Вести-Куранты" (далее: В-К), в основной своей массе состоящие из переводов печатных западно-европейских "газет" (в широком смысле этого слова), чаще всего на немецком, нидерландском и шведском языках. Пять томов этих рукописных газет, охватывающие "вести" периода 1600–1660 гг., было издано Институтом русского языка АН СССР (РАН) в 1972–1996 гг. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранятся рукописные газеты и более позднего времени – вплоть до 1719 г. [Maier 1997:17], так что остается надеяться, что Институт русского языка и в дальнейшем будет выпускать доступные всем историкам и лингвистам издания В-К. Значение В-К для изучения истории живого русского языка трудно переоценить, поскольку они – в отличие от "гибридных" русско-церковно-славянских памятников XVII в. – предоставляют в распоряжение исследователей, можно сказать, высшую письменную форму о б и х о д н о г о языка того времени, ориентированную на повседневную речь образованных слоев русского общества, избегавших как явных диалектизмов, так и излишних варваризмов. (см. [Крысько, Maier, в печати]). Для иллюстрации переводческой техники "курантельщиков" представляется уместным привести фрагмент из В-К вместе с немецким оригиналом (см. также [Maier 1997: 94–106], где приведено еще несколько таких примеров)¹: **В среду курфистра Саксенского комнатной слуга из Вѣдны скво(з) се мѣсто в Леипцыхъ поѣхал и сказывают что цеса(р) курфистру Саксенскому мнсты(р)скими вотчины еще на сорокъ лѣтъ владѣти поволитъ а сказывают что арцуху Фридлантскому опя(т) воеводою против свѣиского короля быти и хочет де вскоре нѣсколко тысяч ратных людей собрати а воевода Тилли просит помочи и каталитцкие союзники к нему послали четыре регемента (I, 30. 24–25) – Mittwochs ist der Chur Sächsischer Cammerdiener / wieder von Wien hierdurch / nach Leipzig paßiert / vnd sagt man / das Ihr KäyserlMay. dem Churfürsten die Giestlichen Güter und Stiffter / vff 40. Jahr lang noch [z]u [erhal]ten /**

¹ При цитировании В-К римская цифра указывает на том, первая арабская цифра на номер текста, вторая – на лист рукописи; буква П означает "приложение". Графические варианты типа *ω, s, i, θ* не сохраняются; выносные буквы вносятся в строку, а в тех случаях, когда они обозначают мягкий согласный или двухфонемное сочетание – ставятся в скобки.

verwilliget haben. Es verlauff / das der Hertzog von Friedtlandt wie[d]er General contra Schweden werden sol / wollte [in] kurtzen etlich 1000. Mann zu[s]ammen bringen. Herr General Tilly begehrt hülff / die Catholische Liga schickt [ih]m 4. Regimenten (Wochentliche Zeitung № 19, 1631). Этот небольшой пассаж показывает, насколько хорошо русский переводчик справился со своей задачей: все содержание немецкого сообщения нашло отражение в переводе, но все выражено собственно русскими средствами. Кое-где переводчик делал уточнение: например, немецкому обороту *dem Churfürsten* в переводе соответствует *курфюрсту Саксенскому*; *contra Schweden* переведено более точным *против святиского короля*; вместо *etlich 1000. Mann* переводчик уточнил – *несколько тысяч ратных людей*. Творческий подход явствует также из перевода слова *General*, которое дважды передается исконно славянским *воевода* (хотя, кстати, существительное *генерал* и целый ряд производных от него – например, *генералитет*, *генеральство*, *генеральский*, ср. [Schibli 1988: 132–135], – уже фигурирует в В-К), и из очень удачного перевода термина *Catholische Liga* – *католицистские союзники*. Переводчик не повторил и немецких моделей управления: *erhalten* в немецком управляет ВП², а русское соответствие *владѣти* – ТП; *begehren* тоже управляет ВП, а в переводе использован РП при *просить* – господствующая модель в рассматриваемый период.

Проблемам русского синтаксиса XVII в., и в частности глагольного управления, до сих пор не уделялось большого внимания. В обобщающих исследованиях о русском историческом синтаксисе – например, [Ломтев 1956; Сравнительно-исторический синтаксис 1968; Историческая грамматика 1978; Стеценко 1972] – содержатся лишь редкие примеры из памятников того времени. Работы Ю.К. Стехина [1958; 1962] в основном посвящены древнерусскому состоянию; в статье Е. Гурьевой [1967] нередко приводятся среднерусские примеры, но толкование языкового материала не всегда корректно. Общей чертой многих работ, специально трактующих проблемы управления в XVII веке, – например, [Ломов 1966; Попова 1969; Котков и Попова 1986] – является то, что в них подряд приводятся примеры для всех синтаксических конструкций, которые авторам удалось найти в разных текстах, без каких-либо указаний на частотность определенной конструкции, так что окказионализмы (или даже описки и опечатки) оказываются на одном уровне с формами, сохранившими свою доминирующую роль в древнерусском периоде до XX века.

Единственной известной нам работой, в которой обширный среднерусский материал не только приводится, но и адекватно интерпретируется, является вышедшая недавно фундаментальная монография В.Б. Крыско [1997], освещающая развитие определенных синтаксических явлений с индоевропейского периода до наших дней; целый раздел монографии посвящен среднерусскому состоянию. Однако не все вариативные конструкции описаны в книге одинаково тщательно. Необходимость воссоздать полную картину глагольного управления на всем протяжении развития русского языка обусловила неизбежную фрагментарность в описании отдельных участков системы, в частности, управления ДП и ТП. Кроме того, внимание автора направлено исключительно на те падежи, которые варьировались с ВП, вследствие чего вариативность РП и ДП не рассматривается.

Таким образом, исчерпывающего описания глагольного управления в каком-либо из памятников XVII в. до сих пор не существует. Между тем представляется необходимым синтаксическое исследование, охватывающее определенный временной срез русского языка, – исследование, в котором были бы учтены все случаи вариативности глагольного управления и особое внимание уделялось бы статистической стороне вариативности. В качестве исследуемого корпуса текстов нами были избраны пять томов упомянутых выше В-К (I–V). Результаты проведенного исследования подробно отражены в монографии [Maier 1997], где дается также исторический и культурологический фон, анализируется переводческая техника "курантальщиков" Посольского

² В статье приняты сокращенные обозначения падежей: РП – родительный, ДП – дательный. ВП – винительный, В = Р – винительный в форме родительного, ТП – творительный.

приказа и описываются обнаруженные нами в различных европейских (в том числе шведских) библиотеках западноевропейские печатные оригиналы, послужившие первоисточниками для русского перевода, например, мирный договор, заключенный в 1645 г. между Швецией и Данией на границе между этими государствами в Брёмсебру (перевод со шведского оригинала); Мюнстерский мирный договор 1648 г. между Нидерландскими Соединенными Штатами и Испанией (перевод с нидерландского); Оснабрюкский мирный договор 1648 г. между Священной Римской империей и Швецией, т.е. немецко-шведская часть большого Вестфальского мира (на русский язык переведен с немецкого источника, в свою очередь переведенного с латинского оригинала³). В настоящей статье суммируются главные результаты проведенного исследования и подводятся некоторые итоги.

Выбор В-К в качестве основного материала для исследования глагольного синтаксиса XVII в. обуславливается, в частности, следующими факторами.

а) В-К ориентированы не на церковнославянскую норму, а на разговорный язык. Близость к устной речи, объясняющаяся тем, что переводы "вестей" были предназначены для чтения вслух царю и его приближенным, позволяет делать определенные выводы о живых тенденциях языкового развития того времени.

б) Печатные первоисточники опубликованных в пяти томах В-К текстов большей частью сохраняются до наших дней в российских и европейских библиотеках и архивах; их в принципе можно разыскать, хотя такие поиски требуют значительных усилий со стороны исследователей. Некоторые немецкие и голландские источники опубликованы в качестве приложений в самих изданиях В-К, особенно в первых трех томах. Огромную работу по выявлению оригиналов провел швейцарский славист Р. Шибли, который в коллекции микрофильмов Бременской государственной и университетской библиотеки обнаружил первоисточники примерно к 300 русским рукописным листам [Schibli 1988: 85–107]. Автору этих строк также удалось выявить оригиналы приблизительно к такому же количеству русских переводных листов [Maier 1997: 34–82]. Таким образом, сейчас известны первоисточники значительной части опубликованных русских переводов, что позволяет сравнивать перевод с оригиналом и судить о том, является ли русский текст самостоятельным переводом, выполненным на основе русских синтаксических средств, или калькой иноязычного оригинала.

2. ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В В-К

Исследованию были подвергнуты все глаголы, демонстрирующие в В-К вариативное (в основном – беспредложное⁴) управление; в отдельных случаях учитывались и глаголы, управление которых не обнаруживает вариативности в В-К, но отличается от управления тех же глаголов в современном русском языке. Самая богатая вариативность зафиксирована в области управления ВП и РП: целых 29 лексем (не считая видовых партнеров и однокоренных глаголов) характеризуются вариативным генитивно-аккузативным управлением. Второй по частотности тип вариативности – параллельное управление ДП и ВП; сюда относятся 18 глаголов. Остальные типы вариативности представлены немногочисленными лексемами: винительным и творительным управляют четыре глагола; родительным и винительным – два.

2.1. Вариативность родительного и винительного падежей. На всем протяжении истории русского языка, начиная с раннего древнерусского периода и до наших дней, сфера употребления беспредложного РП в глагольно-именных словосочетаниях постоянно сужается (ср. [Крысько 1994: 202; 1997: 248]), хотя при некоторых глаголах вариативность сохранилась до сих пор. В первой половине XVII в. (в частности, в В-К) можно выделить следующие основные группы глаголов с варьирующимся управлением.

³ Список известных западно-европейских источников в В-К см. [Maier 1997: 306–308].

⁴ Вариативности предложного управления в В-К (например, *воевать кого / что – против кого / чего*) мы предполагаем посвятить отдельную работу.

а) Глаголы со значением стремления и достижения. У этих глаголов в исследуемый период обычно еще преобладает генитивное управление (ср. статистическую информацию в скобках)⁵: *желать* (31:10), *жадать* (7:1), *ждать* (30:6), *ожидать* (53:17), *дожидать* (6:3), *дождаться/дождаться* (60:6), *надяться* (11:3)⁶, *чаять/почаять*⁷, *искать* (51:13), *доступить/доступать* (17:7), *добыть/добывать* (20:16), *доставь* (10:10), *заставь* (2:1), *достигнуть (достичь)* (2:1), *просить/упросить*, *прошать* (97:31). Как мы видим, ВП при глаголах из данной лексико-семантической группы – за редкими исключениями, например, *доставь* и *добыть/добывать* – в исследуемом памятнике встречается еще сравнительно редко и главным образом указывает на будущее развитие, продолжающееся до сих пор.

Приведем несколько особенно примечательных примеров генитивно-аккузативной вариативности⁸: *доброго здоро(в)я и счастливого пребыва(н)я на многие лѣта вшен св[ет]лости от гсда бга желаю* (II, 27.116) – *мои млстивии гсдрь желает вшму королевскому величеству полное и долговѣчное здравие и счастливое пребывание радостное и мирное владѣте(л)ство надо всѣми вшми пространными гсдрствы* (I, 6.66) – несмотря на общее доминирование РП при глаголе *желать*, в конструкции *желать кому чего/что* ВП (12 примеров) преобладает над РП (9); *такое дорогоценное смире[ние] и впре(д) повседневно всем желаю и счастливое пр[е]быва(н)я* (II, 16.114) – в одном и том же предложении переводчик употребил и ВП, и РП, что красноречиво свидетельствует о свободном варьировании этих двух падежей при глаголе *ждать* (*жаждать*)⁹; *а у него у(ж) был и бои и добычи добыли на СП рублевъ* (III, 21.197 – именная форма *добычи* не может быть истолкована как ВП мн.ч.; *добыча* ни в исторических словарях русского языка, ни в современном русском языке не употребляется во мн.ч.) – и *тѣ ево люди на томъ острову великую добычу добыли всякого добра* (V, 15.121); *то(л)ко просит наперед денег и иное всякое надо(б)е своим ратным людям* (IV, 28.63) – опять варьирование падежей у однородных членов внутри одного предложения; *а коро(л) датской прощает у свѣиского короля четьрех [х приписано] тысячъ [ь написано по и] людей на помо(ч)* (V, 35.24) – характер правки (ВП заменен РП) показывает, что генитивное управление при *прошать* считалось корректным, по крайней мере для письменного языка.

б) Глаголы со значением уступки. При этих глаголах в В-К наблюдается слабое преобладание ВП над РП: *поступиться/поступаться* (27:24), *отступиться* (3:1). Главным средством для выражения объективного значения в XVII в. является ВП; "РП функционировал как архаический, вытесняемый элемент синтаксической системы" [Крысько 1997: 221]; ср. и обширный материал, приведенный там же.

Укажем несколько знаменательных примеров: *Мсца мая въ Е де поступился*

⁵ Учитывались только показательные примеры, т.е. в статистику не входят случаи с РП после отрицания и В = Р, выражающим категорию одушевленности. Падежные формы, вычеркнутые самим переводчиком или редактором, включаются в статистику. Цифры, превышающие 50, иногда могут указывать на приблизительное количество. В данном разделе первая цифра обозначает примеры с ПР, вторая – с ВП.

⁶ При этом глаголе в В-К уже абсолютно преобладает конструкция *надяться на что*, актуальная до сих пор (30 примеров).

⁷ Этот "глагол" встречается в В-К преимущественно в функции частицы (сотни примеров), и только в крайне редких случаях с зависимой именной формой. В этих случаях преобладает РП, но точной статистики у нас нет.

⁸ Соответствующие конструкции из первоисточников – если они нам известны – приводятся после каждого примера. Знак равенства употребляется в тех случаях, когда данная управляемая форма находится в двух разных списках – в черновике и в беловике.

⁹ Исключено, что ВП при этом глаголе проник в русский язык под влиянием польского: и в современном польском языке *żądać* управляет исключительно РП [Buttler 1976: 111], и в XVII в. тоже, судя по данным Варшавской картотеки польского языка XVII и начала XVIII в.

и здал кня(з) Беирской *город* Линсь цесарю да и землю Энскую (I, 23.79) – Кня(з) Осолинской подканцлѣрии а Сондомирского *воеводства* *поступилсѣ* брату своему (I, 39.111) – варьирование конструкций в двух очень схожих контекстах: *еѣ королевино величество... тѣ прежде помянутые земе(л) и крѣпостей и города* *поступила(с) и отдала* *опя(т) назад* (III, 8.153, att hennes Kongl May: tt... förbe:te Provincier, Fästningar / Städer och Land restituera igen / vplåta och afträda wille) – в одном предложении две объектные формы стоят в ВП, две в РП.

в) Глаголы со значением чувственного восприятия и п а м я т и. Бесприставочный глагол целенаправленного слухового восприятия *слушать* в В-К одинаково часто (6:6) управляет ВП и РП (традиционным, единственно нормативным в древнерусском языке), в то время как при глаголе *послушать* доминирует РП (5:1), а при *выслушать* – ВП (10:2). Глагол активного зрительного восприятия *смотреть* (*смотреть*) преимущественно управляет ВП (8:6), а *досматривать* – РП (6:3); доминирующее управление РП присуще видовой паре *отвѣ-дать/отвѣдывать* (16:6). При глаголах нецеленаправленного слухового и зрительного восприятия *слышать*, *услышать*, *видѣть* абсолютно господствует аккузативное управление (присущее этим глаголам еще в древнерусский период). При глаголах памяти, *памятовать/попамятовать*, тоже преобладает ВП (10:2).

Приведем несколько примеров: *а послѣ пошли три полка его (ж) люди и не хотѣли е[го] указ слушать* (II, П9.237 – пример из черновика; в беловике фигурирует более корректная для письменного языка того времени форма *указу* (II, 23.191)); *то(л)ко похоче(ш) моего совѣту послушати* (III, 4.407) – *всякой члвкъ кому лучитца се дѣло французское послушает* (I, 17.55); *курфистъ Саксеской... приказал въ Мензеле своему стремянному порутчику что(б) он свое знамя смотрел* (I, 4.8) – *а коро(л)... сам станет смотреть(т) всего воиска* (V, 1.47a) – варьирование в двух сходных контекстах.

г) Глаголы со значением охраны и заботы. В этой группе глаголов в исследуемом памятнике в общем и целом преобладает ВП (в отличие от древнерусского состояния), особенно существенно при глаголах *оберечь/оберегать* (25:3), *остерегать* (12:6) и *оборонять* (5:1). По-видимому, в XVII в. РП при данных глаголах – кроме *стеречь*, который, однако, в В-К вообще представлен только немногочисленными примерами (4 – РП, 1 – ВП), – уже вышел из разговорного употребления, хотя в известной мере сохранялся в письменности. Следует заметить, что по материалам В-К лексемы *оберечь/оберегать* демонстрируют сокращающееся употребление РП.

Отметим некоторые вариативные конструкции: *велѣл всѣ поморские мѣста оберегати* (IV, 59.396; ср. также П4.381) – *француской коро(л)... велѣл то(г) города от папныхъ людей берега(т)* (I, 9.6); *король поѣдучи оттоле приказал беречи тот город* (III, 23.18) – *а русских мѣстъ беречь от разоренья* (V, 42.36); *хотят прямо на Фалстѣ и [оборвано 5–6 букв] и то оборонати* [так в ркп.] (I, 5.32) – *а будет в том преступле(н)е будет и градским жи(л)цамъ оружиемъ своим того оборона(т)* (V, 15.124).

д) П р о ч и е глаголы, не объединенные близкими семантическими чертами: *мстить, отомстить (отместить)/отмщать, помиловать*. При глаголах "мести" управление варьируется еще в древнерусский период [Крысько 1997: 105–106]. В среднерусском языке, судя по материалам КДРС, эти глаголы управляют преимущественно ВП. Таково и состояние в В-К, где ВП значительно преобладают над РП (11:2). Приведем примеры: *поляки ищут недружбу мсти(т) Великои Росии другое* (V, 42.31) – *хотят имѣ мсти(т) смерти отца ихъ* (I, 6.65); *и жа(л) бы мнѣ было кобы над ними то отомстити* (IV, 10.31) – *х[о]четца ему того отомѣстити* (II, 55.418). В ходе дальнейшего языкового развития обычное в XVII в. беспредложное аккуза-

тивное управление было заменено предложным (*мстить за что*), зафиксированным еще в древнерусском языке [Крысько 1997: 204], но не представленным в В-К.

При глаголе *помиловать* в среднерусский период тоже значительно преобладает ВП (по данным КДРС), но единственный пример в В-К демонстрирует РП, причем даже в двух списках: в городе Грозглагове учинился пожар и погорѣли немногие дворы... а полат оруженных бгъ помиловал (I, 30.10 = П5.68–69). Можно предположить, что несомненно доминировавший в разговорной речи XVII в. ВП лишь случайно не отражен в В-К; ср. из другого памятника: пощади и помилуй сироту (Грамотки, 76).

Итак, при большинстве глаголов, в древнерусском языке управлявших РП, данное управление в разговорной речи первой половины XVII в. уже являлось устаревшим (ср. *поступиться, отступить, слушать, смотреть, оберегать*). В В-К оно еще встречается, но преимущественно в официальных текстах государственной важности, например, в переводах мирных договоров, а чаще всего указанные глаголы сочетаются с ВП. Интересно заметить, однако, что этот господствующий в XVII в. тип управления в некоторых случаях не сохранился до наших дней, а в свою очередь в более поздний период был заменен разными предложными конструкциями (*отступить от чего; мстить за что*) либо беспредложным ТП (*поступиться чем*). У некоторых глаголов РП в первой половине XVII в. претерпевает ограничение, в то время как ВП расширяет сферу употребления буквально на глазах. Сюда относится, в частности, глагол *ждать* и еще несколько глаголов с близким ему значением, а также глаголы *просить, прощать и оберечь, оберегать*. Приведем в качестве иллюстрации точную статистику генитивных и аккузативных конструкций для глаголов *просить/упросить, прощать*: I: 21:1; II: 15:3; III: 23:4; IV: 18:16; V: 20:7. Статистика показывает, что в первых трех томах РП очень сильно доминирует, в то время как в четвертом томе наблюдается почти полное выравнивание употребительности обеих форм (в пятом томе, впрочем, опять значительно преобладает РП).

2.2. Вариативность дательного и винительного падежей. В отличие от предыдущего случая, где ясно прослеживается общая тенденция – расширение сферы ВП при одновременном сужении сферы РП, в области вариативности ДП и ВП нельзя указать на сколько-нибудь определенную общую для всех глаголов тенденцию, а только на некоторые явления.

а) Ряд глаголов, управлявших ДП в древнерусский период, в принципе сохраняет этот тип управления и в XVII в. и лишь изредка сочетается с ВП, например, *извѣстить кому (что), грозить кому, помочь кому* (при крайне редких случаях управления *извѣстить кого (о чем), грозить кого, помочь кого*). Приведем несколько показательных примеров: *что(б) то цесарю известити* (IV, 52.317) – и *о том извести(т) его королевского величества*¹⁰ (ВП) *датцкому* (ДП) *за три ндлн до приходу ратных людей* (III, 8.144–145 – och at thet skal åth minstone 3. wekur / för än thet ankommer / notificeras Hans M:tt i Danmarck och theß successorer; единственный пример в В-К, где "информируемое лицо" выражено ВП, причем только в первой части синтагмы; потом писец переходит на привычное дативное управление); и *он грозит ему* (I, 13.7) – и *грозит нас. и всѣхъ великихъ гсдрей* (I, 22.50); а *помогаютъ ему* все голанския города (IV, 55.308) – и *многия гсдрства помогаютъ шкотсково короля* (IV, 55.308; кстати, оба примера с глаголом *помогать* взяты из одного текста и даже с одного листа рукописи!). Спорадическая сочетаемость рассмотренных глаголов с ВП зафиксирована и в других источниках; ср. следующий пример из КДРС:¹¹ *остяков и*

¹⁰ Форма *королевского величества* должна быть интерпретирована как ВП, т.е. существительное среднего рода *величество* затронуто категорией одушевленности, как это нередко бывает в XVII в., в частности в В-К.

¹¹ Сокращенные обозначения источников, цитируемых по КДРС, см. в книге: Указатель источников Картоteki Словаря русского языка XI–XVII вв. М., 1984.

самоед водят на измену, *уграживают остояков и самоед убивством* (Гр. Сиб. Милл. II. 203, 1607 г.).

б) При некоторых глаголах традиционный ВП варьируется с более новым и в отдельных случаях совсем недавно вошедшим в употребление ДП, например, *дарить кого чем / кому что* (13:3); *молить кого / кому* (23:4); *обнадежить / обнадеживать кого / кому* (24:6); *поздравить / поздравлять кого / кому* (13:6); *просить / прощать кого / кому* (11:1); *простить кого / кому* (12:4); *(по)терпеть что / чему* (26:1); *(по)мѣшать что / чему* (19:22 – единственный глагол с превалирующим дативным управлением, ср.: курфюрст Бранденбургской... *дарил ево драгоценным конским нарядом* (V, 26.80) – *а карабельным капитанам золотые (ж) чѣли по Ф золотых дарил* (IV, 26.56); *хочю я вас гсдна королевственново канцлѣра тако (ж) и вши дѣти обнадежи(т)* (III, 15.184) – *что(б) такое его величеству обнадежи(т)* (III, 53.390); *я его црского величества (ВП) црвчю (ДП) стану поздравля(т)* со всякимъ добрым желань[ем] (II, 25.122 – обращает на себя внимание употребление ВП, отражающего категорию одушевленности, и ДП в одной и той же синтагме); и то сказывают что онъ свѣянъ о войне не против Москвы но против турского *просить* будет (IV, 60.376) – *а мы господину Лангерману о твоём жалова(н)е такъ же и княжеской милости просили* (III, 5.398); *бгъ простит ево и нас от всѣх грехов нших* (I. 13.10) – и то де *гданчаном мочно прости(т)* и забы[ть] (V, 27.18а); Кенихсмаркъ *терпит* великую нужу (II, 63.456) – и то увидя и свѣдав по(л)нои маршалокъ Банир и тому не потерпѣл (I, 35.5; Weil nun aber solches der H. FeldMarsch: Banner wol gesehen / vnd nicht nachgeben können noch sollen); *коро(л) Великие Британие имѣет причину того кардинала и его совѣтников умышление помеша(т)* (I, 17.55) – зачал промышлять какъ бы тому *умышле(н)ю помеша(т)* (I, 17.54) – оба примера взяты из одного текста, так что, насколько можно судить, один и тот же писец в течение нескольких минут употребил две разные синтаксические конструкции.

В некоторых случаях – например, при глаголах *дарить*, *мѣшать* – новое дативное управление постепенно стабилизировалось в языке; в других (*обнадежить*, *молить*, *просить*, *поздравить*, *терпеть*) оно являлось только “временным отклонением”, и аккумулятивное управление в конечном итоге осталось доминирующим. Единичные примеры с ДП не являются здесь выражением определенной тенденции, а только свидетельствуют о недостаточной стабильности синтаксической системы.

в) При одном глаголе *(по)мѣшать* можно отметить семантическое различие между двумя конструкциями: в сочетаниях с личным объектом этот глагол управляет почти исключительно ДП – *мѣшать кому*, в то время как в сочетаниях с предметным объектом конструкции *мѣшать что* и *мѣшать чему* свободно варьируются (примеры см. выше, п. 2.26)¹².

2.3. Вариативность винительного и творительного падежей. В исследуемом памятнике зарегистрировано, как уже отмечалось, только четыре глагола с вариативным аккумулятивно-инструментальным управлением: *владѣть*, *завладѣть*, *метать*, *поступиться*. Первая из названных лексем относится к числу глаголов, исконно управлявших ТП [Стехин 1958: 97], но спорадически сочетавшихся с ВП еще в древнерусский период [Стехин 1958: 99; Maier 1997: 265–266]. В В-К при глаголах *владѣть/завладѣть* значительно преобладает ТП (95:11 для данной пары в целом), который в ходе дальнейшего развития русского языка полностью устранил ВП.

Приведем примеры, иллюстрирующие вариативность в сходных контекстах: *а в то время сыну ево всѣми вотчинами и доходами владѣть... а королю (б) шпанскому владѣ(т)* Флондерскою Брабанскою землями (V, 8.11) – *арцух Лотринской... радѣет*

¹² Обращает на себя внимание отсутствие параллелизма с лексическим антонимом *помочь*, который управляет ВП одинаково редко в сочетаниях как с личным объектом, так и с предметным.

о томъ что(б) коро(л) с недруги своими помирился и *владѣть бы королевство свое* смире(н)ем (I, 17.24); а будет имъ то не удастся имъ *тѣмъ моремъ завладѣ(т)* (V, 15.111) – а то(л)ко турские люди то мѣсто во(з)мут и они и ве(с) Кандѣиской *остров завладѣют* (V, 1.47).

При остальных глаголах этой группы в В-К доминирует ВП, особенно при *поступиться*, для которого засвидетельствован только один несомненный пример с ТП: *и тѣ цесарственныя... округом надобно вѣда(т) не поступилися* (IV, 31.74). Как уже было сказано, в XVII в. при этом глаголе господствуют конструкции либо с РП, либо с ВП. ТП при *поступиться*, по-видимому, является инновацией XVII в., еще почти не отраженной в В-К, но в дальнейшем постепенно вытеснившей не только ставшее уже архаичным в данный период генитивное управление, но и распространенное в разговорной речи XVII в. аккузативное.

Глагол *метать* – единственный глагол с вариативным управлением в В-К, обозначающий физическое действие. Тут налицо старая вариативность, документированная уже в словаре И.И. Срезневского. Вариативность наблюдается только в тех случаях, когда объектом является предмет; если объектный актант обозначает живое существо, *метать* управляет исключительно ВП. В В-К встречаются лишь немногочисленные примеры с предметным объектом: три – с ВП, один (но в двух разных списках) – с ТП, ср.: *Нача(л)ной порутчикъ Кенихсмаркъ... ко Бремену пошол и в тотъ город ого(н) метал* (III, 17.230) – *Сего утра почали мы из своихъ пушекъ опять стреляти тако (ж) и боявыми рушными ядры метали* (V, 2.22 = П1.9). Приведенные примеры описывают сходные ситуации: огонь и ручные ядра являются средствами нападения на врага. Заметим, что в некоторых контекстах вариативность ВП и ТП при этом глаголе может сохраняться и до настоящего времени.

2.4. Вариативность родительного и дательного падежей. Данный тип вариативности не типичен для русского языка – ни для более раннего периода, ни, тем более, для современного состояния; нам не известна ни одна работа, в которой освещалось бы сосуществование этих моделей управления. В рамках исследуемого памятника лишь два глагола – *доложить* / *докладывать* и *последствовать* – характеризуются вариативным генитивно-дативным управлением, причем (как явствует из других источников), РП при указанных глаголах в XVII в. скорее всего уже был устаревшим.

Видовая пара *доложить* / *докладывать* в древнерусском языке управляла РП (ср. [Правдин 1956: 55–56]). На основе конструкции *доложить до кого*, отраженной, например, в [СДРЯ, III: 40], можно реконструировать более раннюю *доложить кого* (РП), но найти ранние примеры с РП нелегко ввиду совпадения форм РП и ВП в связи с категорией одушевленности. Так, в случаях типа *доложить князя, господина, его, патриарха* неизвестно, что это за падеж. Самый ранний пример с явным РП в нашем материале восходит к XV в. (по списку 1688 г.): *доложа старѣшихъ людей и старость уличкихъ, Климентия Ивановича и Лукули Лисичника, и всей великон улицы Рогатицы* (ГВНП, 175; выделены только однозначные генетивные формы); ср. также следующую цитату: *доложа Троецкаго Сергиева монастыря старца Иосеи да пречистые Симанова монастыря старца Ионы* (АМСМ 27, 1524–25 гг.). В свете некоторых однозначных примеров мы придерживаемся мнения, что многочисленные амбивалентные формы в исторических словарях и в КДРС тоже отражают РП, а не В=Р. Начиная с XVI в., и особенно в XVII в., в КДРС спорадически появляются однозначные примеры с ДП, например: *И на утре шед во град на воеводки двор и повелеша доложити воеводе, чтоб вышел к ней* (Пов. Карпе Сутул., 119).

Генитивное управление у этого глагола сообщения постепенно устарело. Это и не удивительно: РП для выражения адресата сообщения не является семантически мотивированным – ср. доминирующую в данный период модель управления близкого синонима *извѣстить* / *извѣщать кому что*. В XVIII в. *доложить* еще спорадически сочетается с РП; ср.: *И на тѣхъ челобитныхъ архиерей помѣтилъ своею рукою: доло-*

жить архиерея; и судья старец Серапион [...] по тому дѣлу архиерею не докладывал (1711–1716; [СлРЯ XVIII, 6: 199]).

В В–К отмечаются семь контекстов с синтаксически выраженным объектным актантом: пять – с РП и два – с ДП. Приведем несколько показательных примеров: *хотят о томъ князя свое(г)* [далее зачеркнуто *му*] *доложити* (I, 31.11 – doch solches ihren Fürsten zuvor zuwissen thun; исправление формы *своему* на *своего* особенно красноречиво говорит о свободной вариативности) – и *ево црскому величеству млстиво доложити(т)* что(б)... (II, 75.505)¹³. Примеры с РП в В–К встречаются преимущественно в первых двух томах, так что можно предполагать, что переход от генитивного управления к дативному начался приблизительно в начале XVII в.

Второй глагол *послѣдствовать* в исторических словарях фигурирует исключительно с ДП. В памятниках, однако, можно найти также примеры с РП, ср. из Минеи второй половины XII в.: *твоих послѣдоующемъ оучении* (Мин. дек.. 74) – очевидно, вариативность при этом глаголе достаточно старая (еще несколько примеров приводятся в книге [Maier 1997: 281–282]).

В В–К наблюдаются три примера с РП (два из которых с личным объектом и совпадением форм РП и ВП, один – с предметным объектом) и один – с ДП: и *учнем послѣдствова(т)* верных *сагунтиновъ* и *постояте(л)ных картагинев* и *иных* таких которые в такой бедѣ бывали (I, 6.70); а *сие* удумал *прежнии салтан Салиман* а *нне* *наслѣдники его того же* *хотят послѣдствовати* (I, 6.72) – и *послѣдствуи* своим *праотцем* (I, 6.74). Думается, что РП при этом глаголе – как и при паре *доложить* / *докладывать* – в первой половине XVII в. уже вышел из разговорного употребления; однако только на основе материала из В–К, ввиду общего небольшого числа примеров с этими глаголами, подтвердить или опровергнуть это положение невозможно.

3. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КОНКУРЕНЦИЮ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В редких случаях можно предполагать, что в исследуемый период существовали некоторые семантические различия между конкурирующими глагольно-именными конструкциями. Так, например, сочетание *молить кого* в В–К обычно используется в значении ‘спросить кого о чем-то’, в то время как *молить кому* употребляется синонимично с *молиться кому* (кстати, не исключено, что тип управления возвратного глагола повлиял на управление невозвратного); ср.: *подобаетъ мнѣ о тишине и о мире за свое гдрство бога молить* (IV, 10.32) – *я вам говорю и бгу молю* (10.33; оба примера взяты из одного и того же текста, из последней речи английского короля Карла I перед казнью – к сожалению, шведский первоисточник этого перевода еще не найден). При некоторых глаголах с генетивно-аккузативной вариативностью – *ждать*, *добыть*, *просить*, *отступиться (чего / что)* – ВП фиксируется несколько чаще в сочетаниях с конкретными существительными, РП – с абстрактными¹⁴.

Однако подавляющее большинство варьирующихся конструкций не поддается разграничению по каким-либо семантическим критериям. По-видимому, конкуриру-

¹³ Во всех примерах из В–К с личным объектом вследствие омонимии между РП и ВП в принципе нельзя дать однозначный ответ на вопрос, какой это падеж, и только на основе недвусмысленных примеров из других источников в сочетании с тем фактом, что явные примеры с ВП с о в с е м не документированы, мы толкуем омонимичные формы из В–К как РП.

¹⁴ Интересно заметить, что те сравнительно немногие глаголы, которые сохранили вариативность РП и ВП до настоящего времени, тоже ведут себя по-разному в зависимости от семантического типа объекта: ср. *ждать маму, сестру* / * *мамы*, * *сестры* – вариативности при личном объекте нет; *ждать поезд / поезда; ответ / ответа* – вариативность сохранилась для выражения конкретных, но неодушевленных объектов, а также абстрактных. Ср. также *искать дочь, карандаш, портфель* / * *дочери*, * *карандаша*, * *портфеля* – с одной стороны, *искать правду / правды* с другой, т.е. сохранилась только вариативность для выражения абстрактных объектов, но не конкретных.

ющие в В-К глагольно-именные сочетания различались главным образом на стилистическом уровне: в то время как одна из конструкций обычно уже выходила из активного речевого употребления, но еще могла использоваться в документах и порой, возможно, рассматривалась как единственная корректная письменная форма, другая конструкция могла принадлежать к разговорной речи и с большей или меньшей регулярностью отражаться в памятниках. Ряд конструкций без какого-либо семантического различия были уже приведены в п. 2; ср. также следующие сочетания, используемые в одинаковых или очень близких контекстах: *стере(ч) того* (V, 20.144) – *то стере(ч)* (I, П2.61); *то остерегати* (IV, 1.247) – *того (ж) остерегати* (III, 58.61); *обороняти то* (I, 22.47) – *того обороня(т)* (V, 15.124); *королеве здравствовали* (I, 39.119) – *кнегиню здравствует* (II, 70.441).

Приведем еще два примера из В-К со сходными контекстами: **В здѣшние мѣста много цесаревых воинских приказных людей приезжают... ищут себѣ службы и господина** (I, 30.31 – *suchen andere Herren*; *службы* толкуется как РП ед.ч. на основании рядоположенности с формой *господина*, а также на основании следующего примера, где *службу* является несомненной формой ед.ч. В сравнении с немецким оборотом *suchen andere Herren* переводчик сделал уточнение, добавив слово *службы*, которому в оригинале нет соответствия) – **а до тѣхъ мѣсть ско(л)ко возмож[но] его црского величества службу иска(т) ст[а]немъ** (II, 67.376). В В-К при глаголе *искать* существенно преобладает РП, согласно древнерусской норме. Вариативность между конкурирующими конструкциями наблюдается главным образом в сочетаниях с абстрактными существительными, как, например, в приведенных примерах, – единственная сфера, где указанная вариативность сохранилась до настоящего времени.

4. СРАВНЕНИЕ РУССКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С КОНСТРУКЦИЯМИ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Как было сказано выше, для значительной части русских переводов, напечатанных в пяти томах В-К, уже обнаружены первоисточники – западноевропейские печатные "газеты". Все выявленные оригиналы доступны нам в виде ксерокопий. Сравнение русских синтаксических конструкций с конструкциями первоисточников показало, что приблизительно четвертая часть русских примеров имеет синтаксически сходные формы в оригинале: например, немецкий ДП переведен на русский язык таким же ДП, или прямому объекту нидерландского и шведского языков в русском переводе соответствует ВП. Однако подавляющее большинство всех рассматриваемых сочетаний (около 75%) в первоисточнике и в русском переводе так сильно расходятся, что они несравнимы с точки зрения синтаксиса; разумеется, о калькировании иностранной синтаксической конструкции в этих случаях не может быть и речи. В той четверти примеров, где обороты оригинала и перевода более или менее совпадают, прямое влияние источника обычно тоже не очень вероятно, поскольку чаще всего мы имеем дело с такими примерами, где синтаксическая конструкция исходного языка случайно совпадает с преобладающей конструкцией русского языка того времени или с одной из возможных варьирующихся форм: *einer Sache gewärtig* – *ожидать чего* (I, 30.11 – немецкому прилагательному соответствует русский глагол, но и тут и там управляемый падеж – РП), *iets hooren* ("что-то слышать") – *выслушать что* (III, 58.91), *etwas visiteren* – *смотреть что* (I, 30.25–26), *etwas rächen* – *мстить что* (V, 29.32), *jemanden anrufen* – *молить кого* (I, П5.61), *jemandem drohen* – *угрожать кому* (V, 29.37) и т.д.

4.1. Приведем сначала несколько цитат из В-К, в которых синтаксис перевода приблизительно соответствует синтаксису источника, но, по нашему мнению, нет основания подозревать калькирование: **а свое(р) войска на што он надѣялся болшую половину потерял** (I, 35.3 – *vnd seine mächtige Armee / darauff Er sich verlassen*); **в том же городе работают добръ си(л)но рудознатцы ищут золотые руды** (I, 28.54 – *die*

verborgene Schätze zu finden); а **Лансѣборхъ** нѣдруги не **доступили** (I, 31.6 – der Feindt hätte solches nicht einbekommen); и о том **потверже(н)я и обновле(н)е у цесарьского величества... просити** (IV, 1.294–295 – die Investitur... begehren; обращает на себя внимание употребление РП и ВП в одной синтагме – признак колебания между двумя конструкциями); а **славные школы и честные думы думные люди ево чтили и розными подарками дарили** (I, П5.59 – vnd darneben mit sonderlichen Präsenten verehret); [и опа]саяцца того что(б) они тѣх людей [н]а пруской берег не посадили что(б) тѣм завод и промысел ktorой над островом Эзелем чинят не помешали (III, 36.525 = = P3.489 – om daer door d'intentie op't Eylandt Oesel af te wenden); **цесаревы люди им** [м написано по х] **добрѣ грозят** (I, 28.48; vnnnd wird den Ulmern sehr gedrohet – немецкому пассивному обороту в переводе соответствует активный). Неуверенность переводчика в управлении непосредственно явствует из правки в последнем примере: первоначальный ВП заменен традиционной и "корректной" в письменном языке формой ДП (их... грозят → им... грозят).

Использованные здесь русские конструкции, на наш взгляд, едва ли следует интерпретировать как кальки по образцу источника. Если, например, немецкое сочетание *sich auf etwas verlassen* в первом примере переводится точным русским синтаксическим эквивалентом **надѣяться на что**, этот факт вряд ли можно расценить как синтаксическую кальку, а скорее как случайное совпадение синтаксических конструкций в обоих языках. Характерно, что аналогичная немецкая конструкция с глаголом *warten* (*auf jemanden / etwas warten*) никогда не переводится на русский язык какой-либо из конструкций типа * **ждать** (*дождать / дожидать, выжидать, дожждаться / дожидаться*) **на кого / на что**, а только исконно русскими оборотами **ждать** (*дождать. ...*) **кого; чего / что**; ср., например, перевод немецкого предложения "auff welches die Herren Stände in Böhmen auch wartten": **а чesкие настоятели также нѣчто выжидают** (I, 30.4 = П5.64). Подобным образом и шведская предложная конструкция *trachta efter något* "стремиться к чему-л." переводится не аналогичной русской предложной конструкцией, а доминирующим русским оборотом **доступать чего: и того мы всякими мѣрами хоти[м] достуна(м)** (II, 96.397 – ther effter Wij på thet högsta trachta). Немецкое сочетание *renunciieren* с ДП, которое часто встречается в первоисточниках, ни разу не передается не существующей в русском языке конструкцией с ДП, а переводится, например, исконно русским эквивалентом **поступаться чего**; ср.: **А проти(в) того тѣ арѣццухи поступающа своего права которое они имѣют на арѣцѣископство Магденбургское и Бременское** (IV, 1.292 – Hinwiederumb renunciiren selbige Hertzogen den Postulationen vnd Coadjutoreyen / an die Ertz-Bistümer Magdeburg vnd Bremen).

4.2. В крайне редких случаях в исследуемом памятнике наблюдаются синтаксические конструкции, не характерные для русского языка и не зарегистрированные также в других текстах того же, более раннего или более позднего периода. Приведем самый "подозрительный" пример: **надѣюся на бга что [чтоб? – И.М.] такои чюдной водою с помо(ч)ю бжиею млстию и своим вѣрным молением к своему полному здра(в)ю доступил** (III, 48.297 = П8.36 – zu meiner völligen restitution zu gelangen). Конструкция **доступить / доступать к чему** не зафиксирована нами ни в одном русском источнике, а в В-К встречается сразу в двух независимых контекстах – более того, в данном примере она даже представлена в двух разных списках: в черновике и в беловике. Кроме приведенного примера отмечена конструкция **ко владѣнью доступала** (III, 15.182) – кстати, тоже перевод с немецкого языка, хотя оригиналом, к сожалению, мы в данном случае не располагаем. Несмотря на то, что немецкое влияние на рассматриваемую конструкцию кажется весьма вероятным, его все же нельзя считать твердо установленным: отсутствие указанной конструкции в исторических словарях русского языка, в КДРС и в исследованных нами памятниках еще не является доказательством того, что в истории русского языка она никогда не употреблялась вне

переводов с немецкого; не исключено, что сплошное обследование более обширного корпуса текстов могло бы выявить данную конструкцию и в другом, не переводном источнике. Так, для близкого синонима данного глагола, *достигнуть*, модель *достигнуть к чему* документирована, ср.: **И сиа в себѣ помолвився великий Артемие, достиже к темницѣ съ святыми мученики** (ВМЧ Окт. 19–31, 2088); **дотоли ти угодно бѣяше, Хрисан’фе, темными книгами почитание, дон’деже достигну къ свѣту истинны** (ВМЧ Окт. 4–18, 1086 – оба примера приведены по КДРС). Правда, в первом примере из КДРС данная конструкция употреблена в конкретном, местном значении, но контекст второго примера достаточно близок к приведенной выше цитате.

Помимо конструкции *доступить к чему*, в В-К зафиксировано еще несколько примеров, в которых синтаксические обороты источника и перевода так близки, что можно предполагать влияние оригинала. В примерах, приводимых ниже, переводчики выбрали русские конструкции, засвидетельствованные и в других памятниках, хотя использованные ими формы не являются доминирующими в XVII в.: **и некоторому настоятелю цесарстенному** [так в ркп.] **не во(л)но никакому ни силою и оружием праву свою достапуа(м)** (IV, 1.312 – sein Recht weder mit Gewalt noch Waffen zu suchen) – немецкому ВП *sein Recht* соответствует *праву свою*, в то время как господствующей формой управления при этом глаголе (особенно в несовершенном виде – *доступать*) в XVII в., судя по примерам из В-К, являлся РП; **нши то разумѣли пошли против ротмистра Корка который был у нас что(б) недруговых людей и стоновишь** [так в ркп., *из становищ?*] **выманиа(т) и какъ онѣ то догада(и)с)...** (II, П4.27 – Als der Feind dieses vermercket). Конструкция *догадаться что* встречается не только в В-К, но и, например, в разговорнике Тённиса Фенне: *la to daffno dogadalse: primetil, tzto tovar oman büll* [Fenne, 378]. Д.И. Буторин [1966: 128] приводит следующий пример из Герцена: **ежели он догадается причину, тем лучше**. Тем не менее калька с немецкого здесь не совсем исключена: в В-К отмечено четыре примера конструкции *догадаться что* (включая одно исправление, которое приводится только в примечаниях к В-К II, 4.38); в двух из них русский ВП имеет соответствие в форме ВП немецкого оригинала. РП при глаголе *догадаться* в В-К зарегистрирован только один раз (I, 22.12), причем в данном примере налицо отрицание, так что он не показателен.

"Подозрительным" является и сочетание *помоч отвѣда(м)* – судя по примерам из КДРС, в XVII в. господствующей формой управления при глаголе *отвѣдать / отвѣдывать* являлся РП. Приведем пример из В-К: **так(ж) послал яз к вшеи млсти к высокоумному россуже(н)ю будет похочет такое млстиво изволи(т) такую бжию помоч в бжие имя тако (ж) отвѣда(м)** (III, 48.297 = П8.36 – dieses Göttliche Remedium im Nahmen Gottes auch zuversuchen). В В-К, как и в КДРС, в принципе преобладает РП (16 примеров из 22), так что ВП в данном примере, причем в двух разных списках, вполне возможно, возник под влиянием со стороны первоисточника, в котором глагол *versuchen* управляет ВП. С другой стороны, вариативность при глаголе *отведать*, судя по данным различных компьютерных корпусов современного русского языка, сохранилась до сих пор, так что аккузативную конструкцию едва ли нужно рассматривать как явную кальку с немецкого.

Модель управления *помогать что*, не обнаруженная нами в других русских источниках, в В-К встречается один раз – возможно, под влиянием нидерландского оригинала: **Статы Генера(л)ные Соединенных Недерляиских земе(л)...** **почли имяновати людей которым всею силою и полною мо(ч)ю помогати** **преж имянованное собрание и дѣло** (III, 58.93 – sullen assisteren de voorsz. Versamelinghe ende Handelinghe); нидерландский глагол *assisteren* управляет беспредложным объектом, который мог быть воспринят русским переводчиком как ВП (в нидерландском языке XVII в. уже не было морфологического различия между ДП и ВП).

Как было отмечено выше (п. 2.3), при глаголе *владѣть* в В-К абсолютно преоб-

ладает ТП, поэтому в следующем примере есть основание подозревать непосредственную кальку с немецкой конструкции *üben* + аккузатив: **То(л)ко тѣмъ выговоромъ что(б) всякому кнзю и настоятелю во(л)но было свое имѣющее право уложе(н)я и во(л)ность в своих мѣстех владѣть** (IV, 1.312 – seine habende Jurisdiction / Gesetze und Constitutionen / an seinem Ort kompetenter zu üben); обращает на себя внимание также дословный перевод конструкции *seine habende*, "свое имѣющее", которая необычна не только в русском, но и в немецком языке.

Наряду с примерами, о которых мы на основе сравнения с первоисточником можем с большей или меньшей вероятностью утверждать, что синтаксическая конструкция иностранного подлинника повлияла на выбор русской конструкции, зарегистрировано и несколько контекстов, где тоже не исключено влияние первоисточника, но при отсутствии реального оригинала подобные рассуждения остаются чисто умозрительными. Сюда относится, например, следующая цитата из В-К: **и обнадежили им от тебя добро[й] платеж что ты имъ должень** (II, 47.289) – конструкция *обнадежить кому (что)* могла быть избрана под влиянием источника, если там фигурировало, допустим, сочетание с немецкими глаголами *versprechen* или *versichern*, управляющими ДП.

В следующем примере допустимо рассматривать конструкцию *помогать к чему* как окказионализм; вполне возможно, что в оригинале имелось аналогичное словосочетание типа *zu etwas beitragen*: **а будетъ гсда Статы к такому доброму делу помогати хотятъ** (V, 8.1 = 9.1). Однако сама эта русская конструкция документирована и в других источниках, например, у Петра Великого (Письма и бумаги, 555): **ибо господинъ Степни чрезъ брата моего склонень есть и хочеть к тому совершенно помогать и ничего не желаетъ**.

"Подозрительным" является также управление глагола *памятовать* РП; в В-К – как и вообще в среднерусском языке – при этом глаголе существенно преобладает ВП: **а по томъ вамъ своим дѣтямъ воспоминать тако (ж) чинить и вшего славново жи(т)я себѣ на образецъ памятова(т)** (III, 15.184). Пример переведен с немецкого языка, где мог быть употреблен либо глагол *gedenken*, либо *sich erinnern* с РП, но немецкий источник (который в свою очередь является переводом шведского оригинала речи королевы Христины 1645 г. [Maier 1997: 79–80]) нам не удалось обнаружить.

4.3. В большинстве случаев, однако, русский переводчик выбирал исконно русскую конструкцию даже тогда, когда она сильно отличалась от конструкции первоисточника. Так, например, немецкие, нидерландские и шведские эквиваленты русских глаголов 'стремления' обычно транзитивны, в то время как в русских переводах чаще употребляется конструкция *искать, просить чего* – хотя сочетания *искать, просить что* тоже существовали. Ср., в частности, следующие примеры: **для того тутю еще нѣсколко тысячъ члвкъ живут для исцеле(н)я чтобы им ис того колодезя тако (ж) воды приняти и своего здравья тѣмъ добыти** (III, 48.292–293 = П8,33 – *vnd ihre Gesundtheit dardurch zuerlangen verhoffen*; немецкий глагол управляет ВП, а русский – РП); **нача(л)нои маюр Кровь... просиль у курфирст[а] Бранденбургского проѣзду на Кест[рин] на цесарево имя** (II, 7.27 = П4.24–25 – *daher General Major Krakaw... den Paß zu Cüstrin in Käys Mayt. Nahmen gesucht*; немецкому ВП соответствует русский РП); **онъ нам о(б)явил и прошал у нас свидете(л)ства и проѣзжей грамоты** (III, 8.138 – *begärandes ther på thetta wårt paß och wittnesbörd*; шведский глагол *begära* управляет прямым объектом *thetta wårt paß och wittnesbörd*, а русское соответствие *прошать* – РП).

Подобным образом, транзитивные глаголы 'владения' в переводе обычно передаются доминирующей русской конструкцией *владѣть чем*; ср.: **а что о во(л)ности что дано бископству Каминскому которымъ владѣль арцугъ Померской** (IV, 1.262 – *Auch alle das Recht / so in Übertragung... des Camminensischen Capituls / die Hertzogen aus Vorpommern / vor diesem gehabt*).

Нидерландские предложные конструкции *tot iets geraken* и *tot iets komen* ("достигнуть чего-то") переведены не русскими предложными конструкциями, а преобладающей в русском языке моделью *достигнуть чего*, хотя *достигнуть до чего* и *достигнуть к чему* тоже документированы в русских памятниках [Maier 1997: 148]; ср.: **что(б) достигнути такого доброго конца и цѣли** (III, 58.48 – *Om te geraken tot soo goeden eynde / ende gewenscht oogmerck*); **что(б) лутчи мочно достигнути общего миру во Еуропе** (III, 58.90 – *om soo veel te beter te komen tot eenen Generale Vrede in Europa*).

Все приведенные примеры показывают, что следует быть крайне осторожным при оценке непривычной в русском языке конструкции как кальки с иностранного источника. Хотелось бы привести еще один пример, где влияние немецкого подлинника на русскую конструкцию казалось совершенно очевидным – до того момента, когда этот источник был обнаружен и данный пример действительно мог быть сопоставлен с оригиналом: **обои господа цесареви также и свѣтские полномочные правые свои руки дали и счастье желали с радостию при настоятелях которыхъ было тут мноє** [так в ркп.; *многое?*] **число** (IV, 1.315 – *worbey mit Glückwünschen vnd Frolocken / die Stände in großer Anzahl versamlet vnd gegenwärtig gewesen*) – в немецком оригинале вообще нет глагольного соответствия русскому обороту *счастье желали*! Переводчик употребил конструкцию, "ошибочную" с точки зрения нормы, но встречающуюся не только в В-К (см. выше, п. 2.1а), но окказионально также в других русских источниках вплоть до настоящего времени (ср. примеры в книге [Maier 1997: 115–116]).

5. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Итак, система глагольного управления, представленная в В-К, может быть охарактеризована как вполне адекватное отражение живых процессов и явлений русского синтаксиса того времени со свойственной ему широкой вариативностью зависимых форм, чаще всего не обусловленной семантически и в еще меньшей степени продиктованной ориентацией на язык оригиналов. Эта система, в которой уживались исконные (как архаичные, так и все еще актуальные) конструкции и новые (но не обязательно "победоносные") обороты, носит переходный, промежуточный характер, отражая состояние, типичное для некодифицированного языка¹⁵.

ИСТОЧНИКИ

- АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983.
В-К I – Вести-Куранты. 1600–1639 гг. М., 1972.
В-К II – Вести-Куранты. 1642–1644 гг. М., 1976.
В-К III – Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. М., 1980.
В-К IV – Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М., 1983.
В-К V – Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996.
ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949.
Грамотки – Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.
КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. – хранится в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва).
Мин. Дек. – *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts*. Köln etc., 1993.
Письма и бумаги – Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5.
СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1991–, Т. 1–4–.
СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л. – СПб., 1984–1995–. Вып. 1–8–.
Fenne – *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607*. Copenhagen, 1970. Vol. II.

¹⁵ Автор выражает глубокую благодарность профессору В.Б. Крысько, который прочитал рукопись, исправил языковые ошибки и сделал ряд очень ценных замечаний.

- Буторин Д.И. 1966 – Об особых случаях употребления винительного прямого объекта в современном русском литературном языке // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.: Л., 1966.
- Гурьева Е. 1963 – Объектные родительный и винительный падежи // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии. № 6. Тарту. 1963.
- Историческая грамматика 1978 – Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.
- Котков С.И., Попова З.Д. 1986 – Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986.
- Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Крысько В.Б. 1997 – Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 1997.
- Крысько В.Б., Majer I., в печати – [Рецензия] // R Ling. Vol. 21, № 3. Рец. на кн.: Вестя-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996.
- Ломов А.М. 1966 – К вопросу о варьировании некоторых форм грамматического объекта (на материале южновеликорусских памятников деловой письменности) // Филологические очерки (По материалам Воронежского края). Воронеж. 1966.
- Ломтев Т.П. 1956 – Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Попова З.Д. 1969 – Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века (структурно-семантическое описание). Воронеж. 1969.
- Правдин А.Б. 1956 – Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Уч. зап. Ин-та славяноведения. М., 1956. Т. 3.
- Стеценко А.Н. 1972 – Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
- Сравнительно-исторический синтаксис 1968 – Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. М., 1968.
- Стехин Ю.К. 1958 – К истории управления глаголов со значением «править, владеть» в русском языке // Наук. зап. Днепропетр. ун-ту. Днепропетровск. 1958. Т. 64. Вып. 15.
- Стехин Ю.К. 1962 – Из истории глагольного управления в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.
- Buttler D. 1976 – Innowacje składniowe współczesnej polszczyzny (Walencja wyrazów). Warszawa. 1976.
- Maier I. 1997 – Verbalrektion in den "Vesti-Kuranty" (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittelfrussischen Syntax. Uppsala, 1997.
- Schibli R. 1988 – Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty). 1600–1650: Quellenkunde. Lehnwortschatz und Toponomastik. Bern. 1988.